

Борис Павлович Орлов: Учитель и Ученый

В 2022 г. 21 марта исполняется 100 лет со дня рождения профессора, доктора экономических наук Бориса Павловича Орлова, внёсшего огромный вклад в развитие экономических исследований в Сибири и стране в целом, в формирование Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и экономического факультета Новосибирского государственного университета. Борис Павлович был крупным специалистом в области теории и методологии планирования, экономической истории, экономики транспорта, региональной и ресурсной экономики. Его учениками считают себя многие выпускники университета, известные экономисты и историки. Его имя носит одна из аудиторий нового корпуса НГУ.

Борис Павлович Орлов – участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград. После демобилизации он поступил в аспирантуру Московского государственного экономического института (ныне Финансово-экономическая академия им. Г.В. Плеханова), которую закончил защитой кандидатской диссертации.

В 1962 г. Борис Павлович приехал с семьей в новосибирский Академгородок и возглавил сектор уровня жизни населения Сибири в ИЭиОПП СО АН. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию по истории развития железнодорожного транспорта СССР и стал заместителем директора института по науке. Б. П. Орлов был активным сторонником развития количественных методов экономического анализа, способствовал становлению исследований по экономико-математическому моделированию, а экономическая история СССР стала для него предметом всей научной и научно-педагогической деятельности. В 1950-е годы Б. П. Орлов был преподавателем политической экономии у будущих организаторов экономико-математических исследований в Сибири, среди которых были два первых директора ИЭиОПП СО РАН – академики А. Г. Аганбегян и А. Г. Гранберг. Был первым деканом экономического факультета НГУ с 1967 г. по 1972 г.

Б. П. Орлов много лет был редактором журнала «Известия СО АН СССР» (серия общественных наук), а также одним из основателей, заместителем главного редактора журнала «ЭКО». Яркая образная речь, оригинальные идеи, доступность изложения, мягкая ирония и ненавязчивый демократизм позволяли ему одинаково легко общаться с крупными учеными, руководителями высокого ранга, аспирантами и студентами.

Научная, редакторская и преподавательская деятельность Бориса Павловича пришлась на непростой период, когда существовало множество ограничений и запретов при обсуждении развития экономики нашей страны и ее истории. В области теории ученые-экономисты не могли выходить за рамки установленных догматических положений, а в части анализа были обязаны пользоваться сомнительными статистическими данными. Но и в этих условиях он умудрялся давать максимально объективную трактовку событий. Правда, после каждой лекции по экономической истории СССР тщательно стирал с доски написанное. Несмотря на неоднократные просьбы студентов, он так и не издал эти лекции.

Кроме публичных лекций огромную роль в передаче знаний имели частные беседы с учениками, в которых Борис Павлович рассказывал о многих известных ему фактах из экономической и политической истории России. Надо сказать, что такое «образование на дому» было изначально в традициях Сибирского отделения АН СССР.

Одной из коренных проблем советской экономики он считал «чрезмерный оптимизм» – как приукрашивание возможностей в случае принятия планов, так и лакировку действительности при описании результатов. А это вело к обострению диспропорции в народном хозяйстве, к неэффективному использованию ресурсов.

В 1970–1980-е годы в системе общества «Знание» весьма широко практиковались лекции по популяризации науки в различных трудовых коллективах. Б. П. Орлов был востребованным лектором и со своими лекциями побывал в самых труднодоступных уголках Советского Союза, выступал перед авиаторами Тюмени, рыбаками Камчатки и Дальнего Востока, побывал на всех крупных объектах Сибири: в городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в Братске, на стройках Канско-Ачинского

топливно-энергетического комплекса. Но одно из его выступлений, в котором он говорил об экономических проблемах СССР, послужило поводом для снятия его с должности декана экономического факультета.

Отличительной особенностью школы Б. П. Орлова в развитии методологии региональных исследований является опора на ретроспективный анализ фактической динамики социально-экономических процессов и эволюции структурных сдвигов в экономике регионов под воздействием экономических и политических решений государства. В качестве меры эффективности управленческих решений в районах нового хозяйственного освоения Борис Павлович предлагал использовать количественные оценки экономических и социальных потерь вследствие проявившейся диспропорциональной структуры хозяйства.

Для многих он был настоящим учителем. Любимый декан и преподаватель. Его знали, уважали и почитали не только студенты экономического факультета. Он знал в лицо, по имени и фамилии, наверное, почти всех студентов (и даже их детей), относился к ним с отеческой теплотой и неизменной доброжелательностью. При этом сохранял должную для декана требовательность и принципиальность. Он высоко ценил в студентах стремление к знаниям, в коллегах – профессионализм и эрудицию.

Редколлегия и редакционный совет журнала «ЭКО».

Использованы материалы *А. Г. Аганбегяна, В. Н. Харитоновой, В. И. Зоркальцева, Ю. П. Воронова.*

«Он учил нас думать»

*Красильников С. А., доктор исторических наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

Мы, вчерашние школьники, попали в НГУ в тот период, когда гуманитарный факультет еще включал в себя, помимо историков, филологов и матлингвистов, также и экономистов. Цивилизованный развод произойдет в 1967 г., когда экономический факультет получит свою законную институциональность.

Естественным было и взаимодействие преподавателей – гуманитариев с экономистами. Это, безусловно, влияло

на формирование нашего гуманитарного образования и, замечу, также и на профессиональные навыки: были достаточно удачные опыты применения ЭВМ в исторических исследованиях.

Но самое мощное и буквально ошеломительное влияние на наши взгляды, безусловно, оказали лекции Бориса Павловича Орлова. Он показал нам высокий стандарт осмысления того потенциала, который содержится в экономической истории нашей страны.

Во-первых, они резко контрастировали с достаточно сухими и вполне стандартными курсами, которые нам читали экономисты (политическая экономия капитализма и социализма). Во-вторых, в лице БП (так мы стали его называть) мы увидели и услышали не только замечательного лектора, но и оригинального исследователя-аналитика.

На нашем 4-м курсе в 1970-м мы слушали спецкурс БП с достаточно сухим названием «Темпы и пропорции экономического развития СССР». В те же месяцы нам вычитывали и политэкономия социализма, отчего контраст в восприятии официальных доктринальных вещей и того, о чем говорил БП, становился еще более очевидным, и даже отчасти шокирующим. Однако буквально сразу мы поняли, что читается фактически альтернативный курс привычным нам по прежним годам обучения дисциплинам истории КПСС и истории СССР.

Сейчас вполне отчетливо понятно, что это время – 1968-й и 1969-й – было «точкой сборки», пусть и недолгой, но достаточной, чтобы для части из нас посмотреть на наш строй, систему, иными глазами. Да, конечно, были и ожидания от «пражской весны» и «социализма с человеческим лицом», споры о границах реформирования и «обновления» строя, и не только в среде экономистов (об О. Шике), но и в среде студентов-историков (семинары отчасти это позволяли в некоторых пределах). БП освобождал свой анализ от идеологии, «приземлял» нас в мир социально-экономической реальности, где спокойно и логически, статистически обоснованно разрушал идеологему «социализма» как прогрессивного, «светлого настоящего и будущего», гармоничного строя с общенародной собственностью, планомерно и пропорционально развивавшегося и т.д.

БП даже немного буднично формулировал ход экономических процессов в нашей стране с позиций причинно-следственных связей, не назидательно, а доказательно. От него и через него мы узнавали о диспропорциях в экономике, о механизмах статистических фальсификаций, о цене некомпетентных директивных решений и многое другое.

Конечно, он не был ниспровергателем строя, он был ниспровергателем легенд и мифов, справедливо считавшим, что для науки и образования – это разрушительные вещи. Мы выходили после его лекций озадаченно погрузневшими, не вполне понимавшими, как поступить и распорядиться этими новыми знаниями.

Интересно, что у меня получилось в случае с БП «войти в реку дважды». Во второй половине 1980-х гг. в уже изменившихся условиях я слушал на курс его лекций, которые он читал для студентов-экономистов. И с удовлетворением отметил для себя, что фундаментально строй и логика построения лекций остались теми же, что и в 1970-м году. Разве что в своих комментариях он мог позволить себе более жесткие оценки. Не удержусь от цитирования некоторых оценок (по конспектам, которые я вел). Так, рассказывая о приоритетных установках второй пятилетки в плане политической цели (построить бесклассовое общество), БП говорил: «Неряшливо сформулировано, но отражает настроение руководства 30-х годов»; «Не анализировались возможные трудности, поскольку считалось, что большевики могут все»; «Прошлое нуждается в ревизии неверных решений, принятых в период культа личности»; «Экономика в 1937-м еще не была одноукладной, шестая часть чистой продукции производилась в личных подсобных хозяйствах».

Отдельно и достаточно жестко он останавливался на разрушительном влиянии 1937 г. (тогда это еще не получило у нас квалификацию «Большого Террора» по Р. Конквесту) на экономику страны: «Резкое ухудшение управления экономикой, репрессии затронули руководящие звенья всех наркоматов»; характеризовал Л. М. Кагановича на посту наркома путей сообщения как жесткого, но полуграмотного управленца, который «прорывы» в работе железных дорог, возникавших в силу ранее принятых ошибочных решений и диспропорций в нехватке топлива, решал примитивным способом (ехал поездом по управлениям ж/д с кадровым

резервом, снимая прежних управленцев, и не успокаивался, пока не расставлял всех, ехавших с ним «резервников»). Я тогда в конспекте выделил его прямую речь: «Нам страшно не везет на руководителей страны». И еще жесткая оценка реальности сталинской эпохи: «Поскольку не работали экономические рычаги, вводились меры внеэкономические».

Здесь только отмечу, что в своей текущей преподавательской деятельности при чтении в НГУ студентам-историкам части курса по межвоенному периоду (1921–1941) в ходе освещения аспектов экономической истории того времени я полностью опираюсь на публикации Бориса Павловича, выходявшие в экономических изданиях, в том числе и в журнале «ЭКО», а также и собственные конспекты его лекций, всегда при этом подчеркиваю, что стараюсь воспроизвести это так, как нам рассказывал на лекциях БП в 1970-м, полвека назад! Конечно, мы сейчас имеем гораздо больше информации о происходившем, но понимание основ «политэкономии социализма» еще в позднесоветское время нашему поколению сформировал Борис Павлович.

В 1989 г. мне довелось участвовать в проекте, реализованном по инициативе БП в журнале «ЭКО», где печаталась подборка, посвященная 60-летию первого пятилетнего плана. Помимо собственной, совершенно блестящей аналитической статьи, посвященной истории реализации первой пятилетки и ее последствий для отечественной экономики¹, он предложил подготовить и переопубликовать в журнале первоисточники, статьи антагонистов – сторонников генетического (В. А. Базаров, Н. Д. Кондратьев) и телеологического/директивного (С. Г. Струмилин) подходов к методологии планирования.

Не могу не отметить еще одну сторону равнодушия БП к возвращению памяти о трагическом прошлом нашей страны. В последующие несколько лет, в процессе становления деятельности новосибирского «Мемориала», усилиями Л. С. Труса было организовано несколько семинаров с обсуждением проблематики истории репрессий советской (сталинской, прежде всего) эпохи, в которых принимал участие и БП, живо интересовавшийся этой тематикой.

¹ Орлов Б. П. Истоки перестройки // ЭКО. 1989. № 5. С. 3–15.

С дистанции прожитых лет я неожиданно для себя обнаружил ощущение диалога с Борисом Павловичем почти четыре десятилетия спустя. Готовя доклад к очередной конференции по истории сталинизма осенью 2019 г., я поставил целью рассмотреть причины и последствия самого амбициозного депортационного плана 1930-х годов, когда чекистское руководство в начале 1933 г. предложило Сталину осуществить тотальную «чистку» европейской части страны от «неблагонадежного, социально опасного и вредного элемента», отправив на спецпоселения в Западную Сибирь и Казахстан 2 млн чел. Вождь не только одобрил проведение операции, но и добавил, что ее следует совместить с «разгрузкой» тюрем.

В процессе выполнения плана, реализация которого проходила с весны до осени 1933 г. (около шести месяцев), цифры высылаемых корректировались четыре раза, в результате «застыв» на отметке около 200 тыс. чел. «нового контингента», поступившего в эти регионы (140 тыс. в Западную Сибирь и 55 тыс. в Казахстан), что оказалось в 10 раз ниже первоначального плана. Подобного расхождения между замыслами и реализацией советская депортационная практика не имела ни до, ни после.

В поисках подходов к изучению данной проблемы я нашел статью знаменитого американского социолога Р. К. Мертон, классика структурно-функционального анализа, опубликованную им в 1936 г. и переведенную в России в 2009 г.² Несколько редуцируя подход Мертона, отметим, что тот выделял четыре наиболее значимых фактора, влияющих на отклонения от рациональной цели и приводящих к непреднамеренным последствиям при осуществлении больших социальных действий.

Первый – «знание/незнание»: неполнота знания делает возможным появление непредвиденных результатов. Второй фактор – ошибки, возникавшие на любой стадии реализации плана (оценка ситуации/выбор направления и методов/средств), например, часто встречается ошибочное применение/повторение действий, бывших в прошлом успешными. Третий фактор – «императивность ближайшего

² Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

интереса» («здесь и сейчас»): нацеленность на достижение непосредственных результатов, при которой отсекается учет других факторов и последствий. Четвертый фактор – действие по достижению цели часто выходит за пределы той области/сферы, для которой оно предназначалось и распространяется на другие сферы, создавая условия для возникновения непреднамеренных последствий (Там же. С. 10–15).

Исследование показало, что по сути провальный итог данной карательной операции 1933 г. был обусловлен тем, что в ходе ее осуществления совокупным образом проявились, хотя и в разной степени, все четыре обозначенных Мертоном фактора. Почему здесь об этом пишется? Потому что я, перечитывая статью Бориса Павловича 1987 г. в журнале «ЭКО», обратил внимание на словосочетание «обескураживающая динамика» применительно к сельскому хозяйству в годы первой пятилетки («...именно насильственное форсирование коллективизации объясняет обескураживающую динамику производства сельскохозяйственной продукции»³).

Таким образом, БП обозначает свой исследовательский подход, формулируя его, собственно, в том же мертоновском формате, но применительно к своей проблематике экономической истории: «Ретроспективный анализ планов показывает, что **конечные результаты их осуществления далеко не всегда совпадали с заранее сформулированными целями** (выделено в тексте БП). Несовпадения были подчас настолько значительными, что вызывали радикальные расхождения между намерениями и действительностью, превратились в конфликт между словом и делом. Казалось бы, причинно-следственный анализ этих несовпадений должен представлять первостепенный интерес и для плановиков, и для исследователей. Ведь главная прикладная ценность исторического знания в том, что прошлое подсказывает полезный совет для будущего. Однако накопленный в СССР огромный опыт осуществления среднесрочных планов менее всего описан именно с точки зрения такого анализа» (Там же. С. 34).

³ Орлов Б. П. Цели средних планов и их осуществление // ЭКО. 1987. № 11. С. 37

Здесь комментарии излишни, поскольку методика советского экономиста Б.П. Орлова и американского функционалиста Р.К. Мертона имеют под собой общую поисковую интеллектуальную платформу для социально-гуманитарных наук, будь то экономика, социология или история.

Когда в 2012 г. мы отмечали 50-летие организации гумфака НГУ, то подготовили справочное издание о факультетских профессорах за годы его деятельности. В справочнике среди биограмм историков и филологов есть и биограмма БП, что отражает общую позицию нас, составителей, слушавших лекции его спецкурса для историков, который он читал на протяжении двух десятков лет. Он, безусловно, из числа тех учителей, кто давал не только знания, но и учил думать.

«Нашему поколению повезло – мы могли опереться на плечи великих...»

*Водичев Е.Г., доктор исторических наук
Прага, Чехия – Варшава, Польша, январь 2022 г.*

Меня всегда привлекали проблемы, связанные с экономической теорией и ее воплощением на практике, однако почему-то я поступил не на экономфак, а на историческое отделение гумфака. Но тяга к экономике никуда не исчезла, и среди исторических дисциплин особый интерес вызывали те, что были связаны с анализом экономических процессов в историческом прошлом. В то время на факультете было немало хороших преподавателей, но количество вопросов экономического характера, остававшихся без ответов, лишь множилось.

И вдруг среди прочих предметов в расписании появился курс по экономической истории и новый для нас профессор-экономист – Борис Павлович Орлов. Он оказался блестящим лектором и преподавателем, умевшим установить контакт с явно не простой для него гуманитарной аудиторией и донести до нее свои собственные представления о динамике экономического развития СССР.

Непривычной была методология, на которой строился его курс – ретроспективный анализ экономического развития, основанный на сопоставлении и критическом анализе

достигнутых итогов с планируемыми результатами с учетом прошлого опыта и извлекаемых (или неизвлекаемых) из него уроков.

Необычным был и стиль подачи материала: строгий, четко организованный, аргументированный и опирающийся на интерпретацию разносторонних и разнообразных статистических данных. Было очевидно, что профессор Орлов привык не витийствовать за кафедрой, а вести диалог с умными студентами, к не очень умным и не заинтересованным в его предмете он оставался равнодушным, никому ничего не навязывая и не стараясь убеждать в необходимости именно его курса.

Во второй половине 1970-х годов, во времена моей учебы в альма-матер, чуть ли не четверть всей учебной программы занимали идеологизированные курсы — такие как научный коммунизм, научный атеизм, политэкономия социализма и т. п. Уже тогда многим было ясно, что научную теорию в них заменяли мифологемы, целью которых была индоктринация будущей «прослойки» советского общества, которой в рамках классовой теории считалась интеллигенция. Квинтэссенцией всего и вся в этой «фантазмагории чудес» был курс по истории КПСС, который непосредственно предшествовал лекциям Бориса Павловича. Он об этом знал, поэтому иногда интересовался, о чем шла речь на предыдущих занятиях. И после этого звучала фраза: «А вот теперь послушайте, как все было на самом деле», и начиналось самое интересное.

И становились понятными причины постоянного невыполнения в СССР пятилетних планов, драматического расхождения между долгосрочным и среднесрочным планированием, с одной стороны, и оперативным управлением — с другой, постоянного обращения к мобилизационным методам при реализации крупных экономических проектов и многое другое. Иными словами, на конкретных кейсах постепенно усваивались универсальные законы макроэкономики (этот термин еще даже не использовался в отечественной науке) и анализировалось их приложение к советской экономической практике. В то время это требовало изрядного мужества.

После приводимых БП данных и аргументов, построенных на основе релевантной методологии и богатых источниках,

крыть, как говорится, было нечем. Но у преподавателей по истории КПСС не возникало ни малейшего желания вступить с ним в заочную дискуссию, поскольку проигрыш в ней был бы очевиден.

У меня же, как и у некоторых моих коллег-историков, вопросов к профессору Орлову было немало. Мы их задавали, и он всегда старался отвечать вдумчиво и обстоятельно. Ограниченность времени для дискуссий в университетском расписании привела меня за ответами в сектор, которым руководил БП в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Впоследствии я стал бывать там довольно часто. К этому времени определилась область моей научной специализации – ретроспективный анализ систем организации и управления научно-техническим комплексом, в рамках которой наука в советской практике рассматривалась, по сути, как одна из отраслей экономики.

Мои студенческие годы и, в частности, курс профессора Орлова вернулись ко мне доброй памятью во время собственной профессорской деятельности в США. Конспекты лекций Бориса Павловича стали опорными для разработки моего лекционного курса и самым дорогим наследием университетских лет. Предложенные нам в стенах НГУ профессором Орловым методика анализа и система аргументации оказались вполне универсальными: построенный с использованием его подходов курс по советской экономической истории хорошо воспринимался и на другом языке в международной аудитории в стенах американского университета.

Знания и компетенции, полученные от Бориса Павловича, активно использовались мной и в дальнейшем, хотя я работал в рамках неэкономического профессионального сообщества. Иногда это даже создавало некоторые проблемы – докторская диссертация, по мнению некоторых коллег, оказалась излишне «экономизированной», но удалось сохранить ее основы, апеллировав к междисциплинарности и авторитету БП.

Годы идут, я сам уже четверть века именуюсь доктором и профессором, за плечами работа в разных странах и во многих российских университетах и институтах. Но, думая о прошлом, я всегда вспоминаю своих учителей, исто-

риков, социологов и экономистов. И совсем не случайно на форзаце одной из моих книг стоит посвящение Борису Павловичу Орлову.

«Борис Павлович – это начало экономического факультета»

Буфетова Л.П., доктор экономических наук, НГУ, Новосибирск

Борис Павлович Орлов – первый декан факультета по новой специальности, которая называлась тогда «экономическая кибернетика». Ни рабочих программ, ни программ курсов нет, состав преподавателей тоже нужно формировать. Но свободы тогда в университете было куда больше, чем сейчас, и была единая команда, увлеченная новым делом – становлением нового направления в экономических исследованиях и образовании. В тот период сложилось необходимое в таких случаях единство передовой науки и образования, в начале которого стояли две крупнейшие, среди многих других подвижников, фигуры: А. Г. Аганбегяна и Б. П. Орлова.

Скоро на факультете Бориса Павловича стали звать БП, как тогда было принято сокращенно называть очень уважаемых начальников.

БП был человеком с хорошим чувством юмора. При этом его юмор часто соотносился с какими-нибудь смешными историческими сюжетами, которых он знал бесчисленное множество. А великолепная память Бориса Павловича позволяла ему помнить многое из прочитанного, изученного и проанализированного, в чем мы убеждались и на лекциях по экономической истории, и в обыденной жизни в Институте экономики. Меня всегда удивляло, как он помнит всех студентов разных выпусков по именам? Как помнит материалы, помещенные в разных номерах экономических журналов, и легко подсказывает, где и что можно посмотреть.

Курс лекций по экономической истории всегда будут вспоминать студенты, прослушавшие его. Ведь не было в стране курса по математическим моделям в экономике, а нам он читался. Правилом на факультете в те годы было

учить студентов не по учебникам, даже если они и были, а по лекциям преподавателей. Так вот лекции БП нужно было проработать досконально. Ведь преподаватель требовал не запоминания фактов, а именно разбора периода, событий и экономических явлений. Конечно, это было непросто. И «отлично» по предмету у БП было получить еще труднее.

Лекции БП были насыщены статистическим материалом. Это касалось урожайности сельскохозяйственных культур, производства важнейших продуктов промышленности в Царской России в период индустриализации, планов первых советских пятилеток и фактического их невыполнения и т.п. Если статистические материалы нас мало впечатляли, то планы и их невыполнение в первые три пятилетки повергали в недоумение, поскольку расходились с официальными оценками. И так было со многими сюжетами экономической истории СССР.

Тогда мы не задавались вопросом об источниках множества статистического материала. Только потом, когда самим в научной работе пришлось иметь дело с экономической информацией, поняли и осознали значимость работы БП со статистической информацией, которую он нам демонстрировал на лекциях.

Лекции по экономической истории имели большое воспитательное значение для будущих экономистов-математиков: все нужно подвергать сомнению и проверять статистически. Авторитет этого курса для меня был так велик, что когда почти двадцать пять лет спустя мне предложили подготовить курс по экономической истории на факультете, я искренне испугалась: ведь невозможно сделать ничего подобного курсу Бориса Павловича.

Но главное – была, благодаря Б. П. Орлову, методологическая основа для курса лекций, как и для делового научного исследования: системность, выявление и обозначение причинно-следственных связей, значение традиций, и все это необходимо подавать в динамике.

«Б.П. Орлов: редактор, рецензент и научный руководитель»

Клисторин В. И., доктор экономических наук
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Борис Павлович был редактором экономической серии журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР» на протяжении всего срока ее существования. Серия меняла название: сначала «общественных наук», потом «экономики и прикладной социологии» и, наконец, «Регион: экономика и социология». Так же был назван новый журнал, созданный в 1993 г. Но экономическую серию неизменно возглавлял Б. П. Орлов.

По сути, БП и был редакцией журнала. Для подобной работы требуются знания самых разных областей экономической науки, умение быстро уловить главную идею статьи, оценить ее значимость и вынести мотивированное решение. Доверие, которое испытывало научное сообщество к главным редакторам научных журналов, коррелировало с настроениями научного истеблишмента и позволяло существенно упростить работу. Но и ответственность была высока.

За время его работы в ИЭОПП СО АН СССР он выступил научным редактором около 20 индивидуальных и коллективных монографий, сборников научных трудов. Главными темами его работ были, разумеется, книги по проблемам и перспективам освоения Сибири, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и отдельных территориально-производственных комплексов. Кроме того, Б. П. Орлов уделял большое внимание методологии планирования, был пионером использования программно-целевого подхода в территориальном планировании. Здесь его идеи обогнали время, хотя сама проблема до сих пор далека от разрешения. Во всяком случае, в нашей стране. Вообще прогресс в развитии производительных сил регионов, в том числе и восточных, в те времена связывался с совершенствованием планирования в рамках экономической реформы, хотя сам БП к экономическим реформам после 1968 г. относился весьма скептически.

Мне повезло в том, что Б.П. Орлов был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Изначальная постановка задачи была проста: сколько нужно построить жилья в Академгородке для того, чтобы минимизировать очередь и сократить дефицит к 1990 г. Постепенно задача разрасталась и превратилась в модель развития города в составе агломерации. Что касается ответа на вопрос об объемах строительства, то был получен отрицательный результат: ликвидировать нехватку жилья не удастся, поскольку само жилье привлекает население и превращает городок в спальный район. В грамотном и аккуратном описании постановки проблемы, и, главное, интерпретации результатов Б. П. Орлов очень помог. Он прекрасно понимал, что далеко не всякая задача имеет решение при заданных условиях и отрицательный результат – тоже результат, иногда даже более важный, чем подтверждение гипотезы.